

Памяти
Альберта Захаровича МАНФРЕДА

Виктор Моисеевич Далин

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ

М.: Наука. 1981

В работе рассматриваются основные направления французской исторической мысли XIX–XX столетий. Большое внимание уделяется анализу трудов крупнейших французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвиля, А.Матьеза, Ж.Лефевра, М.Блока, Л.Февра, Э.Лабрусса, А.Собуля и других, критике исторических и методологических принципов нового направления в школе «Анналов». В работе анализируется также вклад советских историков, прежде всего Н.М.Лукина, В.П.Волгина и А.З.Манфреда, в изучение Великой французской революции и других узловых событий истории этой страны.

Ответственный редактор *Б.Г. ВЕБЕР*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Французские историки эпохи Реставрации

Токвиль и Вторая империя (К истории написания «Старого порядка»)

Изучение Великой французской революции в СССР

Кропоткин — историк Великой французской революции

Пути и перепутья Ричарда Кобба

В.П.Волгин и исследование истории французского социализма в СССР

Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов»)

История Франции в советской науке (1965-1975 гг.)

Мастер исторического портрета. «Наполеон Бонапарт»

А.З.Манфреда

Веб-публикация: **Vive Liberta и Век Просвещения, 2012**

Материалы об авторе и ссылки на другие его работы
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

А.З.Манфред: материалы о нем и ссылки на его труды:
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#manf>

Мастер исторического портрета

«Наполеон Бонапарт» А. З. Манфреда

У каждого подлинного историка, как и писателя, есть произведения, написанные в состоянии огромного интеллектуального подъема, в которых находится выражение всей их талант, все их дарование. Таким трудом для Альберта Манфреда был его «Наполеон Бонапарт». Недаром книга имела такой необыкновенный успех, получила всеобщее признание. В обширном зале Политехнического музея, где проходило обсуждение «Наполеона», не было ни одного свободного места, люди стояли в проходах, но никто не уходил, дожидаясь заключительного слова автора. Аудитория напоминала бурные 20-е годы, когда там выступал Владимир Маяковский. Книга поразила сочетанием крупнейших научных достоинств с блестящим литературным изложением. Замечательно, что она была опубликована, когда А. З. Манфреду было уже 64 года, — возраст, когда даже у самых замечательных ученых творческий подъем, как правило, уже далеко позади. Но чтобы понять секрет обаяния этой книги, нужно вдуматься в особенности жизненного и научного пути ее автора.

Альберт Манфред родился 26 августа 1906 г. в семье петербургского адвоката. Огромное влияние на него оказала мать, родная сестра известного художника Леона Бакста¹, прославившегося не только в России, но и во Франции после того, как он способствовал в качестве театрального художника успеху знаменитых русских оперных и балетных спектаклей, организованных в Париже в предвоенные годы Сергеем Дягилевым. Интерес к Франции, ее культуре шел прежде всего отсюда.

Детей в семье было четверо: три дочери и сын. Их рано учили иностранным языкам, французский с детских лет был почти родным. Альберт был любимцем матери. «Чудный мальчик» — по определению его старшей сестры —

развивался чрезвычайно быстро. Его любимой книгой была сперва знаменитая «Жизнь животных» Брема, но ее очень скоро сменили гомеровские поэмы, целые песни из которых он читал наизусть. Еще на первом году обучения в гимназии Нечаева (вскоре он перешел в одну из самых передовых петербургских школ — Тенишевское училище) десятилетний подросток, писала в 1916 г. его сестра, «для собственного интереса изучил почти всю географию и историю. Прочел „Илиаду“, „Одиссею“ и все, что можно, о Греции». О его интеллектуальном развитии можно судить по стихотворению, написанному в 1921—1922 гг., где он вспоминает лето, проведенное в Териоках в 1916 г., посвященное «В. М.» — Вере Милютиной, с которой он тогда дружил:

*Удивительные мы, правда, оба.
Вам тринадцать, мне десять лет,
Когда спорили, кто лучший слова
Мастер: проза или поэт...
Заключали пари о Блоке,
О значении воды и льда
И решили, что Кромвель в Вудстоке²
Совершенно похож на себя.*

Наступила Февральская революция. Как вспоминает младшая сестра Л. З. Манфред³, школьная дисциплина была сломана, и вместе с братом они с огромным любопытством расхаживали по улицам города, где повсеместно возникали стихийные митинги, «февральское половодье». А. З. Манфред сам рассказывал, как во время одной из таких прогулок они оказались около дворца Кшесинской, с балкона которого выступал В. И. Ленин. Эта речь произвела на него неизгладимое впечатление.

После Октября прежний семейный уклад рухнул. Отец вскоре уехал из Петрограда и поселился в деревне на Волге, недалеко от Саратова, где стал учителем. Мать тяжело болела и в 1918 г. скончалась. Дети сперва остались одни, затем младших отец взял к себе, в деревню. В 1921 г. грянул ужасный поволжский голод. Вся семья собралась в Саратове, но отец ее вскоре покинул и переехал в Псков, где вернулся к юридической деятельности. Дети снова были предоставлены самим себе. Альберт За-

¹ В архиве А. З. Манфреда сохранилась переписка его старшей сестры с семьей Бакста за 1914—1925 гг. — ценнейший документ для знакомства с юностью историка.

² «Вудсток» — известный исторический роман Вальтера Скотта, которым А. З. Манфред в это время увлекся.

³ Ее воспоминания о детских и юношеских годах А. З. Манфреда также переданы в его архив.

харович (ему не было еще и 16 лет) поступил рабочим в кооператив и потом с ужасом вспоминал, с какими крысами он воевал. Семья чрезвычайно бедствовала и недоедала. Юноша ходил в обуви, перевязанной веревочками. Он учился в вечерней школе для взрослых, а днем брался за любую работу, в том числе расклейку афиш и газет. Одно время он переехал в небольшой городок Балашов, где стал распространителем печати. Но все эти материальные невзгоды несколько его не смущали; он почувствовал в себе литературное дарование и стал выступать со стихами в студии ЛИТО. В 1922 г. в Саратове была устроена выставка литераторов. Альберт Захарович на ней выставил свои произведения и с успехом. «...Об Але, в особенности,— писала его старшая сестра 24 ноября 1922 г.— пишут отзывы, маленькие шаржи, вроде „похож на Пушкина“, и вообще находят, что он очень много успел за это время... стоит выше всех. В общем Аля молодец». Несколькими месяцами позднее, в 1923 г. она сообщает: «...пишет он довольно много и стихи, и прозу. Его здесь знают как самого молодого поэта и вместе с тем талантливого. И мне кажется, что искра поэзии в нем есть». Судя по письму, Альберт Захарович написал тогда поэму «Северный мятеж», «очень хорошую» по отзыву сестры. Он пробует себя и в прозе. 1 августа 1923 г. сестра сообщает: «Аля довольно много пишет и кончает повесть „Распавшаяся глыба“, где описана почти совершенно правдоподобно наша жизнь... революция и т. д. Не знаю, доведет ли он до современных дней или закончит на 20-м году. Но в общем повесть написана с настроением и нам было приятно, хотя и несколько грустно ее слушать». Рукопись недавно обнаружена в архиве А. З. Манфреда.

Известие о смерти Ленина потрясло Альберта Захаровича. (Он описал это в изданном произведении.) Ночью он написал стихотворение, которое было опубликовано в одном из местных изданий. Это было его первое печатное произведение. С тех пор он почти еженедельно печатал свои стихи. «...Совсем беспристрастно говоря,— писала сестра 26 февраля 1924 г.— он способный мальчик, т. е. в нем есть дар поэта... я в него верю!» Правда, журнал, где он печатался вскоре закрылся. Но как только он на время поехал к отцу в Новоржев (Псковская губерния), в «Псковском набате» (11 июля 1924 г.) появилось его стихотворение. Казалось, ему предопределена судьба поэта.

Но в 1926 г. наступил внезапный перелом. Альберт Манфред узнал, что в Москве при Институте истории (образовавшемся в составе Российской ассоциации научно-исследовательских институтов по общественным наукам — РАНИОН) создается аспирантура. Для поступающих, кроме экзаменов, требовалось представление серьезной вступительной работы, свидетельствующей о способностях к научно-исследовательской деятельности. А. З. Манфред решает покинуть Саратов и вернуться в Ленинград для подготовки к экзаменам и написанию вступительной работы. В Ленинграде, где он поселился в семье старых знакомых отца, он снова столкнулся с материальными лишениями, но это его не остановило. Интерес к истории, проявившийся с юных лет, вспыхнул с новой силой. Он избрал тему «Бланки в революции 1848 г.», над которой работал с большим увлечением. Ему пригодилось приобретенное еще в детстве знание французского языка. Он изучал и прессу тех лет, и новую литературу, в том числе только что вышедшее тогда прекрасное исследование Сюзанны Вассерман «Клубы Бланки и Барбеса».

Однако он еще не распрощался с поэзией. 13 февраля 1927 г. в «Комсомольской правде», в газете, которой руководил тогда блестящий журналист и редактор Тарас Костров (Александр Мартыновский) и где печатался Владимир Маяковский, появилось его стихотворение, связанное с пушкинским юбилеем. Его стихи «Поездка к Пушкину» — несомненная удача:

*Я еду к Пушкину. И поневоле стих
От прежних строк, от городского плена...
Ложится прост и тих.*

Из Ленинграда он посылает новые стихотворения, в том числе «Перед штормом (матросское)», своему саратовскому школьному другу А. Апполову (они сохранились) и пишет ему: «Напиши твое мнение, оценку и вообще, как его находишь. Мне оно прежде очень нравилось. И в отличие от того, что я тебе писал, я бы отнес его к циклу (?) о молодости, если бы у меня он был вообще». Совершенно очевидно, что тогда — в 1927 г. — А. З. Манфред о таком цикле еще мечтал.

«Бланки в революции 1848 г.» получил очень положительную оценку лучшего знатока истории социалистических идей В. П. Волгина, относившегося с тех пор и до

конца своей жизни с исключительным вниманием и доброжелательностью к А. З. Манфреду. Но на пути к поступлению в аспирантуру встретилось непредвиденное препятствие — возраст! Ему было меньше 20 лет, а возрастной ценз для поступления в РАНИОН был выше. Пришлось обратиться к тогдашнему заместителю наркома народного просвещения, известному историку М. Н. Покровскому, ведавшему вопросами высшей школы. Покровский принял юношу чрезвычайно доброжелательно — «для революции возраст никогда не является препятствием», и вопрос был легко улажен. Так кончился саратовский период жизни А. З. Манфреда. Он не стал поэтом, как в течение почти 10 лет думал он сам и его близкие. Он стал историком — и одним из самых выдающихся советских историков. Но этот ранний период его биографии очень важен для понимания некоторых особенностей его «Наполеона», потому мы остановились на нем подробно.

В РАНИОНе А. З. Манфред пробыл три года. Он занимался в семинаре В. П. Волгина по истории социальных идей и Н. М. Лукина по истории социалистического движения в Третьей республике. Он избрал тему о социалистическом движении во Франции после Парижской Коммуны, о зарождении Рабочей партии. Его особенно заинтересовал вопрос о влиянии Н. Г. Чернышевского на формирование социалистического мировоззрения Жюль Гедда, и на эту тему он позднее опубликовал исследовательский этюд, появившийся в томе, посвященном 75-летию его учителя⁴. Еще до окончания РАНИОНа А. З. Манфред был привлечен к работе группы по истории Коминтерна при Институте Ленина, которой руководил известный революционер Бела Кун. Альберт Захарович занялся историей циммервальдского движения в Швейцарии. Тогда же или несколько позднее он имел продолжительную и очень поучительную встречу с Н. К. Крупской, о которой он постоянно тепло вспоминал. В 1929 г. появилась его весьма содержательная статья о швейцарском циммервальдском движении, хорошо документированная и сохранившая свое значение до наших дней⁵.

⁴ *Манфред А. З.* Французское революционное движение после Коммуны и Н. Г. Чернышевский. — В кн.: Из истории социально-политических идей. М., 1955.

⁵ См.: *Манфред А. З.* Циммервальдское движение в швейцарской социал-демократии. — Пролетарская революция, 1929, № 7.

За три года талантливый саратовский поэт превратился в профессионального историка. Жизнь его пошла по совершенно другому руслу. И все же писатель, литератор никогда в нем не исчезал. В конце 30-х годов он вновь стал писать стихи — сохранилась тетрадь его стихов. В середине 60-х годов он написал превосходную до сих пор не изданную повесть «В стране белых медведей», где частично вернулся к своему замыслу «Распавшейся глыбы» и описал саратовский период своей жизни.

В декабре 1972 г. он посетил парижское кладбище «Пер-Лашез». В его архиве сохранилась запись об этом посещении. Мы позволим себе привести ее: «На кладбище было пустынно. Я шел вдоль казавшихся нескончаемыми неровных рядов серых надгробных памятников: серый мрамор, серый гранит, известняк серого цвета. Холодное хмурое небо и почти одноцветные серые надгробья разных очертаний и форм как-то перекликались. Здесь нет крестов, и памятники по большей части хранят только имя покоящегося под камнем. Ледрю-Роллен, Альфред де Мюссе, Россини, Фульд. Сколько воспоминаний, какие страсти пробуждали когда-то каждое из этих имен. Сегодня это только холодные жесткие надгробья могил. Смерть всех уравнивает. Соперники, враги, друзья — все это в прошлом, и прекрасный, полный глубокой скорби групповой скульптурный портрет скорбящих, плачущих женщин обозначен двумя словами: „Aux morts“ „Мертвым!“». Здесь все равны: удел каждого — лежать глубоко в земле, на узкой полоске в три аршина, придавленным могильной плитой». Эта запись наглядно свидетельствует, что писатель никогда не исчезал в историке. И потому его так неудержимо влекло к историческому портрету, и потому все, даже самые серьезные его исследования всегда были полны описаний живых людей.

После окончания РАНИОНа Манфред был направлен на педагогическую работу в провинцию. Он преподавал и руководил кафедрами в крупных промышленных центрах — в Ярославле, в Иваново (со второй половины 30-х годов он работал в Якутске). Он проявил себя как талантливый лектор, любимец студенческих аудиторий, прекрасный пропагандист, автор ряда газетных статей и брошюр по проблемам международной политики, зарубежного рабочего и коммунистического движения. Но в его научно-исследовательской деятельности это были все же «голые годы». Он пытался написать работу о цим-

мервальдском движении. В его архиве сохранился отзыв Крупской, рекомендовавшей внести некоторые изменения и дополнения, но в условиях провинции это было невозможно, и брошюра не вышла.

Творческий источник забил вновь после возвращения в Москву в 1940 г., особенно после перехода в 1945 г. на работу в Институт истории Академии наук СССР (позже в Институт всеобщей истории). За 30 лет А. З. Манфред, «пишущий человек», по его собственному определению, сделал и написал исключительно много. Ученый чрезвычайно широкого диапазона, А. З. Манфред обладал обширной эрудицией, недаром он был редактором двухтомной «Всемирной истории». Но все-таки прежде всего и раньше всего он был историком Франции, и интерес к этой стране, к ее прошлому и настоящему был для него главенствующим. Не случайно буквально до последнего дня своей жизни — он скончался 16 декабря 1976 г., на другой день после своего возвращения из Франции, где выступал на конференции в Руайомоне, — он был убежденнейшим и активнейшим защитником идей франко-советского сближения.

Не было, пожалуй, ни одного периода новой истории

Франции, где бы он не сказал своего яркого слова. В 20—30-х годах он занимался Бланки и Жюлем Гедом, созданием Рабочей партии. В 40-х годах, вскоре после возвращения в Москву, он увлекся Жаном Жоресом, выступил и победил в спорах об его оценке, преодолел чисто негативистское отношение к нему, укоренившееся в советской исторической литературе в 30-е годы. В 50—60-е годы он занимался Парижской Коммуной, руководил изданием коллективных трудов, вышедших к ее 90-летию и столетию, внес много нового в освещение первых 10 дней ее существования, когда движением руководил Центральный комитет национальной гвардии. Он изучал историю Франции в 1905 г., прослеживая влияние на нее первой русской революции. Ответственный редактор трехтомной «Истории Франции» от галльских времен и до президентства Помпиду, он был душой большого коллектива из десятков высококвалифицированных специалистов-историков, каждому из которых он мог давать полезные советы, предлагать важные изменения и дополнения. Он был пионером в изучении истории франко-советских отношений и вырастил целую школу исследователей этой проблемы.

Но больше всего А. З. Манфреда интересовали два раздела истории Франции. Прежде всего это была внешняя политика Третьей республики в последней трети XIX в. В 1950 г. он защитил докторскую диссертацию «Внешняя политика Франции от Франкфуртского мира до союза с Россией (1871—1891 гг.)». Его оппоненты, видные советские историки С. Д. Сказкин, Е. В. Тарле и Б. Е. Штейн, признали высокие научные достоинства этого труда. Ряд статей А. З. Манфреда по этим вопросам был собран им в сборнике «Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей» (1967). По существовавшим в 40-х годах условиям историк мог только ознакомиться с дипломатическими документами, хранившимися в Архиве внешней политики России, но не мог их опубликовать. Недоступны были ему тогда и французские архивы. Ученый поэтому снова вернулся к этой теме и за год до смерти вышло его капитальное, безупречное с точки зрения полноты документации исследование «Образование русско-французского союза» (1975) — труд, без которого еще долгие годы не сможет обойтись ни один историк внешней политики Франции.

Но была и другая область, которая беспрерывно привлекала к себе внимание ученого. «С давних пор, с юношеских лет и на протяжении всей своей жизни, — писал сам А. З. Манфред в предисловии к своей последней книге «Три портрета», — я всегда проявлял большой и, можно сказать, возраставший с годами интерес к проблемам Великой французской революции 1789—1794 гг.» Как он сам указывал, в разное время ему довелось написать по этим проблемам «разного рода сочинения: и специальные работы, и работы более общего, концептуального характера, и книги, посвященные отдельным страницам истории той эпохи»⁶.

Уже в 1950 г. А. З. Манфред опубликовал очерк по истории революции, значительно им дополненный и переработанный в 1956 г.⁷

Совместно с В. П. Волгиным историк опубликовал в трех томах Избранные произведения Ж.-П. Марата со своей большой вводной статьей. Впервые на русском языке А. З. Манфред издал и трехтомник произведений М. Робеспьера, которого он высоко ценил. Робеспьеру к 200-летию его рождения он посвятил свою работу «Споры о Робеспьере», которую Б. Ф. Поршнев назвал «блистательной». О Робеспьере А. З. Манфред выступал на международных коллоквиумах⁸. Марату он посвятил отдельную книгу, вышедшую в 1962 г.⁹

Свою концепцию французской революции и свою точку зрения по спорным проблемам истории якобинской диктатуры А. З. Манфред особенно последовательно и глубоко изложил в статье «О природе якобинской диктатуры»¹⁰, переведенной и на французский язык.

А. З. Манфред был главой советских историков, занимавшихся Великой французской революцией. Признанием его заслуг в этой области было его избрание одним из трех почетных председателей Комиссии по истории революции при Международном историческом комитете.

Но самую яркую страницу своей научной деятельности А. З. Манфред вписал своим «Наполеоном Бонапар-

том»¹¹. Все предшествовавшие его работы высоко оценивались, они были хорошо написаны. И все же на всех этих, даже лучших, его работах лежала печать какой-то скованности. По-видимому, ему казалось, что этого требовал стиль строгого, академического, научного исследования, и он сознательно подавлял свой писательский талант, проявлявшийся только в отдельных, поражающих читателя метких портретах исторических персонажей, в его стиле, чем-то напоминавшим высоко им ценимых французских историков Альбера Сореля и Альбера Вандоля. «Наполеон» явился первым произведением А. З. Манфреда, в котором нет ни следа скованности, в котором он говорил «во весь голос».

Писать новую книгу о «Наполеоне» было исключительно смелым замыслом. Как известно, литература о Наполеоне неизмерима, к тому же она исключительно противоречива. Известный голландский историк Питер Гейль опубликовал даже любопытнейший том «За и против Наполеона». Ограничимся только двумя иллюстрациями противоречий в оценках. Фредерик Массон, один из наиболее трудолюбивых исследователей биографии Наполеона, автор десятка томов о нем, считал его «подлинным человеческим чудом», «самым поразительным представителем человеческой расы». А в то же время Лев Толстой определил Наполеона как ничтожнейшее орудие истории: «Никогда до конца жизни своей не мог понимать он ни добра, ни красоты, ни истины, ни значения своих поступков, которые были слишком противоположны добру и правде, слишком далеки от всего человеческого». Даже в изгнании «этот человек в одиночестве на своем острове играет сам перед собой жалкую комедию, интригует и лжет, оправдывая свои деяния»¹². Луи Арагон в своих воспоминаниях о Морисе Гореце писал, что тот, прочтя «Войну и мир», был в восторге, но никак не мог согласиться с толстовской оценкой Наполеона. Итальянский поход 1796 г. большинство историков и биографов считали самым выдающимся событием и с военной и с политической стороны, обнаружившим весь необыкновенный полководческий талант Наполеона. В то же время крупнейший итальянский историк Г. Ферреро озаглавил свою книгу об этом походе

⁶ Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978, с. 19.

⁷ Французское издание этой книги вышло в 1961 г.

⁸ Actes du colloque Robespierre (XII congrès international des sciences historiques. Vienne, 1965). Paris, 1967.

⁹ Статья А. З. Манфреда о Марате и Робеспьере вошли в его сборник «Очерки истории Франции XVIII—XX вв.» (М., 1964).

¹⁰ См.: Вопросы истории, 1969, № 5.

¹¹ Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. — М., 1971; 2-е изд., 1973; 3-е изд., 1979.

¹² Толстой Л. П. Война и мир, т. 3, гл. XXXVIII и Эпilog.

коротко и выразительно «Avventura» («Авантюра»)! Все это, естественно, ставило ряд преград для каждого нового биографа Наполеона, для историка этой сложнейшей эпохи.

Было к тому же одно обстоятельство, удерживавшее А. З. Манфреда, и он сам сказал о нем в предисловии к своей книге. В 1935 г. известнейший советский историк Е. В. Тарле опубликовал после серьезных исследований о континентальной блокаде биографию Наполеона. Она имела большой успех, несколько раз переиздавалась и была переведена на ряд языков, в том числе и на французский. Казалось невероятным, что можно написать новую яркую биографию Наполеона, которая не повторяла бы книгу Тарле. Сам А. З. Манфред описал свой разговор с Е. В. Тарле, в котором тот рассказал о своих колебаниях перед тем как взяться за эту тему. «Такие предшественники! Вальтер Скотт, Стендаль, Толстой... было над чем задуматься! И все-таки, — после паузы добавил он, — я решился!»¹³ К числу предшественников А. З. Манфред мог добавить самого Е. В. Тарле, Жоржа Лефевра, Луи Мадлена, Андре Моруа, Эмиля Людвига, Бертрана Рассела — и все же он решился и выдержал испытание с блеском.

Книга эта потребовала от автора огромного труда. В те годы, когда он занят был этой темой, я всегда встречал его с портфелем, наполненным книгами, взятыми по библиотечному абонементу. Не видя у него обычных для историка карточек и листков с выписками из книг, я как-то попросил Альберта Захаровича ознакомить меня с его «лабораторией». Он любезным жестом указал мне на проем между письменным столом и окном его кабинета. Мне никогда в голову не приходило туда заглядывать; оказалось, что там высокой стопкой были уложены объемистые фолианты конторских книг и папок, содержавших выписки.

«Наполеон» свидетельствует об исключительной эрудиции автора. Он тщательно использовал все опубликованные печатные первоисточники: многотомную «Переписку» Наполеона вместе со всеми изданными в последующие годы приложениями (Лесестра и др.); публикация А. С. Трачевского в изданиях Российского общества, советскую публикацию «Дипломатических документов».

Он привлек и архивные рукописные источники из парижского Национального архива (в особенности в главах VI и VII о 18 и 19 брюмера) и Архива внешней политики России, в том числе донесения русских дипломатических агентов в Париже, Вене, Мадриде, Берлине, Дрездене, Флоренции, Турине, Неаполе и т. д. Интереснейшей находкой явились открытые им впервые документы о пребывании в России генерала Дюмурье, этого человека с любопытнейшей судьбой — тайного агента Людовика XV в Польше, министра жирондистского правительства, победителя при Жемаппе войск интервентов, изменившего революции, а в 1801 г. попытавшегося вступить в переговоры с Павлом I. Почти вся IX глава «Поиски союза с Россией» построена на неизданных документах, в том числе тетрадях генерала Спренгпортена, главы русской миссии в Париже в 1800 г.

Мастерски использованы многочисленные мемуары, в том числе Бурьенна, Понтекулана, Гойе, Барраса, Талейрана, Меттерниха, Фуше, Тибодо, Редерера, Шаптая, Буле из Мерты, Годена, Коленкура, Савари, Паскье, Марбо, членов наполеоновской семьи — Люсьена, Жозефа, Гортензии, наполеоновских генералов — Мармона, Журдана, Сюше, Макдональда, Лавалетта, Бертрана, Гурго, воспоминания герцогини д'Абрантес, госпожи Ремюза и, конечно, знаменитый «мемориал» Ласказа. Удачно использована пресса не только французская, но и русская того времени — «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», карамзинский «Вестник Европы», «Сын отечества» — и более поздние — «Русская старина», «Русский архив» Бартенева и т. д. Привлечен исключительно широкий круг литературы — и все классические труды, и редчайшие работы начала XIX в., и новейшие издания, появившиеся в связи с 200-летием рождения Наполеона.

Но книга ценна не только эрудицией автора, она интересна мастерским марксистским анализом классовой обстановки эпохи. Между Сциллой и Харибдой, между апологетической оценкой Массона, Дрио, Луи Мадлена и полным негативизмом Льва Толстого он сумел дать наиболее взвешенную оценку, близкую к той, которую в своем последнем труде дал замечательный французский историк Жорж Лефевр. В отличие от Е. Тарле, который уделил в своей работе только десять страниц молодому Наполеону, А. З. Манфред посвятил ему две главы —

¹³ Там же, с. 7.

«Под знаменем идей Просвещения» и «Солдат революции», где превосходно обрисовал раннего Бонапарта, ученика Руссо и Рейналя, якобинца и даже робеспьериста. Но он вовсе не «смыкает печальные строки», выражаясь словами Пушкина, не затушевывает постепенное падение Наполеона и превращение его в «самовластного порабощителя Европы». Он дает подлинный и верный портрет Бонапарта.

Но что придает книге особый блеск, что завоевало ей души сотен тысяч советских читателей — это ее замечательная литературная форма. В этом отношении она стоит выше всех прежних произведений А. З. Манфреда, как бы хорошо они ни были написаны. Именно в ней проявился ничем не скованный его бесспорный и значительный литературный талант. И от этой книги тянутся какие-то невидимые нити к раннему, саратовскому периоду его жизни. Она открыла новую страницу в творчестве историка. Он сам писал о своей книге «Марат»: «Если бы я писал ее сейчас, 13 лет спустя (А. З. писал это в 1976 г. — В. Д.), то она была бы написана несколько иначе»¹⁴. Эта новая манера видна и в последней, опубликованной уже по-мертню книге «Три портрета», особенно в замечательной второй главе этой книги «Мирабо», и в фрагменте, написанном не позднее 1974 г., «Конец Жан-Жака».

Известный советский писатель Вениамин Каверин писал о мастере советской прозы Константине Паустовском: «Его любят потому, что по каждой строке, по каждой странице видно, что ему самому необычайно интересно писать — это мгновенно передается читателю»¹⁵. Своего «Наполеона Бонапарта» А. З. Манфред писал с величайшим интересом, чрезвычайно увлеченно. Она написана, как говорят немцы, «aus einem Guß» — из «одного слитка», на одном дыхании, во всю мощь таланта, дарованного Альберту Манфреду, и потому она явилась его шедевром, его «саролавого»¹⁶.

И читатель это оценил. В архиве историка сохранилось около 500 восторженных писем по поводу его книги — от историков, писателей, дипломатов, военных, учителей, студентов, школьников. Мы приведем только одно письмо, из далекой Австралии, от совершенно неожиданной чита-

тельницы — родственницы Н. М. Карамзина, автора «Истории государства Российского». «Я, русская женщина, Александра Васильевна Алексеева, прочла книгу... и была поражена глубиной и пониманием автора образа Наполеона Бонапарта... Так писать и так понимать историю и человеческую личность, великую человеческую личность и роль простого народа, крестьян и рабочих, могут только в Советском Союзе и иногда в царской России такие, как, например, Н. М. Карамзин „История государства Российского“... мой дальний родственник, чем я очень горжусь»¹⁷.

* * *

«В последнее время, — писал А. З. Манфред в предисловии к „Трем портретам“, — у меня появилась склонность — мне нелегко сказать, хорошо это или плохо, не мне судить — раскрывать внутреннее содержание больших общественных процессов, к которым относятся и революции, через изображение отдельных их деятелей... Порой рассматривая бурные события эпохи „снизу“ и одновременно „сверху“, с той вышки, на которую ход событий поставил того или иного человека, вы начинаете лучше постигать содержание эпохи»¹⁸.

«Плохо или хорошо» — читатель рассудил. Свидетельством тому явился огромный, небывалый для исторических книг успех «Наполеона» и «Трех портретов», — успех и у массового читателя, и специалистов. В лице А. З. Манфреда советская наука имела самого блестящего мастера исторического портрета.

¹⁴ Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции, с. 134.

¹⁵ Литературная газета, 1977, 10 авг.

¹⁶ «Главным трудом» (ит.).

¹⁷ Из архива А. З. Манфреда — письмо А. Алексеевой.

¹⁸ Манфред А. З. Три портрета. ..., с. 19.